

УДК 811.512.145'367+811.512.1

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЫРАЖАЕМЫЕ ФОРМОЙ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА, В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Л. Г. Хабибуллина

*Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань*

Введение. Современная лингвистическая наука проявляет интерес к семантической стороне языковых фактов, структурно-семантическому исследованию тех или иных отношений. Сложность разграничения разных смысловых отношений в тюркских языках связана в первую очередь с тем, что одни и те же формальные показатели (средства связи) могут употребляться для выражения нескольких значений, и одна и та же семантика способна репрезентироваться разными средствами. Так, условная форма *-ca/-cə* (непосредственно являющаяся формальным показателем кондициональности) может использоваться в конструкциях, выражающих различные смысловые отношения. **Целью** данного исследования является выявление смысловых отношений, выражаемых формой условного наклонения глагола, на материале тюркских языков. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**: изучить семантику условного наклонения глагола в древнетюркских памятниках; выявить модели условного наклонения в тюркских языках; проанализировать структурные и семантические особенности конструкций с формой условного наклонения глагола. Исследование проводилось с использованием концептуального аппарата современных теорий языковых категорий, а также представлений о роли и функциях условной формы глагола как в самой системной организации языка, так и в контекстуальном дискурсе. **Материалы и методы.** Материал для исследования привлекался из древнетюркских памятников, малых жанров тюркского фольклора, разговорной речи. В ходе работы были применены методы лингвистического описания, моделирования и трансформационного анализа. **Результаты исследования.** В результате проведенного исследования было установлено, что наиболее часто с помощью формы условного наклонения глагола, которая является специализированным средством репрезентации кондициональности, выражаются временные и каузальные отношения, активно проявляются структурно-семантические связи условных отношений с темпоральными и причинно-следственными отношениями. **Обсуждение и заключения.** Перспективы дальнейшего исследования проблемы усматриваются в создании современной семантической теории синтаксиса тюркских языков.

Ключевые слова: условное наклонение глагола, смысловые отношения, кондициональность, причинно-следственные отношения, кондиционально-каузальная семантика, временные отношения, кондиционально-темпоральная семантика, желательная семантика, условно-сопоставительные отношения, тюркские языки.

THE SEMANTIC RELATIONS EXPRESSED BY THE CONDITIONAL FORM OF THE VERB IN THE TURKIC LANGUAGES

L. G. Habibullina

Institute of language, literature and art by G. Ibragimov of the Academy of Sciences of RT, Kazan

Introduction. Modern linguistic science is interested in the semantic side of the linguistic facts, structural-semantic study of certain relations. The complexity of separating the different semantic relations in the Turkic languages is associated primarily with the fact that the same formal parameters (means of communication) can be used to express multiple values and the same semantics is able to representative different means. So, the conditional form is *-sa* (directly is the formal index of conditionality) can be used in constructions that express various semantic relations. The aim of this study is to identify the semantic relations expressed by the form of the conditional mood of the verb on the material of the Turkic languages. To achieve this goal assumes the following tasks: to study the semantics of the conditional mood of the verb in ancient monuments; to identify models of the conditional in the Turkic languages; to analyze the structural and semantic peculiarities of the constructions with the form of the conditional mood of the verb. The study was conducted using the conceptual apparatus of modern theories of linguistic categories and of ideas about the role and functions of conditional form of the verb as in the system of organization of language and context. **Materials and methods.** Material for research was brought from the ancient monuments, small genres of Turkic folklore, speaking. During the work were applied methods of linguistic description, modeling and transformation analysis. **Results.** In the study it was found that temporal

and causal relations are expressed the most commonly with forms of the conditional mood of the verb, which is a specialized tool of representation of conditionality, the structural-semantic conditional relations manifest themselves with temporal and causal relations actively. **Discussion and Conclusions.** Prospects for further research of the problem is seen in the creation of modern semantic theories of syntax of Turkic languages.

Keywords: conditional mood of the verb, semantic relations, conditionality, causal relations, conditional-causal semantics, temporal relations, the conditional-temporal semantics, semantics are desirable, conditional comparative relations, the Turkic languages.

Форма условного наклонения глагола, которая является основным квалификатором условных отношений во всех стилях в тюркских языках, помимо репрезентации кондициональности, служит средством выражения многочисленных смысловых отношений между синтаксическими единицами. Анализ синкретичных, смежных значений позволяет определить природу переходных, промежуточных смысловых связей.

Ранняя форма условного наклонения глагола *-сар/-сәр* встречается еще в древнетюркских памятниках V–VII вв., придаточные условные считаются одним из наиболее рано сформировавшихся типов придаточных предложений. Например, в «Памятнике в честь Кюль-Тегина», который относится к памятникам рунической письменности, читаем: *Ол амты аныг жок түрк каган Öтүкән жыс олурсар илтә бун жок*. ‘Если в Огюкэнской черни сидит тот тюркский каган, у которого нет теperешней порчи, то в племенном союзе нет стеснения’ [8, с. 49].

По мнению Н. А. Баскакова, происхождение элемента *-сар/-сәр* сводится к глагольной основе *-са* “желать, хотеть, думать, считать”. Н. З. Гаджиева остерегается непосредственно возводить форму *-са* к *-сар*, мотивируя это тем, что в памятниках древней тюркской письменности эти формы употребляются параллельно [3]. Например, в текстах орхонских памятников: *йай болсар* ‘если будет лето’, *билсер* ‘если знает’ [1].

В тюркских языках существуют три модели условного наклонения, которые характеризуются формами на *-са*, *-сар* и *-сан*. Считается, что показатель условного наклонения *-сан* возник в качестве результата переосмысления семантики одного из видов древнего опатива. Интересно отметить, что форма условного наклонения на *-сан/-сен* используется только в чувашском языке. Например: чув. *Атту, апатран таврйанакансем эсё мён супёлтетнине пёлсен, хайсем патёнчен йайпәр-яйпәрах вёсертмёс сана*. ‘Если узнают, что ты наговорил тут про них, так просто не отделаешься’ [10, с. 221].

В языке памятников древнетюркской письменности форма на *-сар* не принимает аффиксы лица и не согласуется с ним в лице [1]. И в Орхонских памятниках глагол условного наклонения употребляется в основном в роли сказуемого самостоятельного предложения и еще не спрягается. Глагол условного наклонения получает аффикс лица с XVII века.

Еще в древнетюркских памятниках форма на *-сар*, помимо условных, выражает уступительные, временные, причинно-следственные отношения: *Бір кісі жаңылсар огушы будуны бисүкіңә мәгі қыдмаз әрмиш*. ‘Хотя один человек и мог ошибаться, но все соплеменники, весь народ вплоть до своих потомков не позволяли, надо думать, себя погубить’, *Таудын жүнақ(қа) көрсәр м(ә)н төр тә әрклиг қан олур*. ‘Когда я посмотрел вверх, увидел на переднем месте сидит Эрклигхан’; *Munča üküis tynl(y)ıqqa näcä üz buz qylt(y)m(y)z är(sär), t(ä)nrım ämtı bu on türlüg jaz uyda bosunu ötüñür biz: manstar ıırza!* ‘Вот так, так как многим живым сколько делали препон и преград (букв. “разрывов и порч”), о боже, теперь, освобождаясь от этих десяти различных грехов, мы умоляем: прости наши согрешения’ [7, с. 215].

По мнению некоторых исследователей, «как разновидность общей категории обусловленности, условность (кондициональность) является базовым слоем (субстратом) причинности, потому что соответствующие смысловые отношения тесно связаны с модальным смыслом» [10, с. 220].

При кондициональных отношениях зависимый компонент обозначает условие, наличие которого, как следствие, вызывает действие, выраженное главным компонентом. С этой стороны они близки к причинно-следственным отношениям, компоненты условной конструкции могут рассматриваться как основание и следствие. И в основе причинно-следственных, и в основе условных отношений лежит идея порождения. Условие, в отличие от причины, всегда бывает предположительным: взаимосвязь условия и обусловленного является возможной. Иначе говоря,

кондициональные отношения связывают мысленно допускаемые события.

Конструкции, построенные с помощью формы условного наклонения глагола, составляют основу примет и поверий. Подобные случаи можно расценивать как условные суждения, репрезентирующие причинно-следственные отношения. Например: тат. *Салават күпере төньягында чыкса, яңгыр булмаса* (Примета). 'Если радуга взойдет на севере, не быть дождю'; *Ай чалкан туса, көннәр аязырга* (Примета). 'Если месяц взойдет лицом вверх, день прояснится'.

Между компонентами паремий тат. *Гаепсез дус эзләсәң, ялгыз калырсың*. 'Если ищешь друга без греха, останешься один'; *Кешене каргасаң, үзеңә төшәр*. 'Если проклинаешь людей, сам будешь проклят' явно прослеживается причинно-следственная зависимость: почему не нужно искать друга без греха, потому что в результате можешь остаться одиноким; почему нельзя проклинать людей, потому что это может привести к тому, что ты сам будешь проклят. Между частями данных примеров можно вставить специализированное средство выражения каузальности (например, союз *чөнки*), что опять же не приведет к потере основного логического смысла всего предложения и не нарушит его структуру: *Гаепсез дус эзләмә, чөнки ялгыз калырсың*. 'Не ищи друга без греха, потому что останешься один'; *Кешене каргама, чөнки үзеңә төшәр*. 'Не проклинай людей, потому что сам будешь проклят'.

Мнения лингвистов относительно причинно-следственных и условно-следственных отношений неоднозначны. Как утверждают некоторые языковеды, семантическую связь между условием и следствием следует считать каузальной. Это такие условные конструкции, в которых «осуществление условия независимо от воли говорящего автоматически влечет за собой выполнение следствия. Роль говорящего сводится к тому, что он, зная о наличии объективной закономерности, сообщает о ней слушающему» [12, с. 28].

Как показал анализ собранных нами примеров, часто вместе с формой условного наклонения, репрезентируя каузальность, используются и другие средства. Например: тат. *Битең кызышса, димәк, сине яманлылар* (Поверье). 'Если горит лицо, значит, тебя ругают'; *Колагың чыңласа, димәк, сине сөйлиләр* (Поверье). 'Если у тебя звенит в ушах, значит, о тебе говорят'.

Как видим, в вышеприведенных предложениях, подчеркивая значение вывода, следствия, употреблено слово *димәк* 'значит', которое можно

и опустить. Однако логически формальный показатель условного наклонения здесь не может выражать реальное условие, так как звон в ушах не является условием того, чтобы о тебе говорили.

Следует отметить, что слово *димәк* 'значит' соотносится с таким условным предложением, которое обозначает действие как реальный факт. Наличие причинного оттенка в подобном предложении определяется в какой-то степени присутствием этого слова. Оно вносит в предложение новый семантический оттенок: подчеркивается значение вывода, который вытекает на основе высказанной в придаточной части причины.

Глагол *бул* 'быть' и формальный показатель глагола условного наклонения *-са/-сә*, употребляясь с предикативным словом *кирәк* 'надо', репрезентирует каузальность, причем указывает на предположительную причину. Например: тат. *Бик үткен пәке белән киселгән булса кирәк, очларында бернинди яньчелгән яки ярылган жүре юк*. 'Их срезали, должно быть, очень острым ножом, концы были без вмятин и зазубринок'.

Известно, что предположительное условие не может вызвать реальное следствие. Предположительная причина же способна породить реальное следствие. В рассмотренном нами выше примере, несмотря на предположительную причину, следствие выступает как реальный, неоспоримый факт: *очларында бернинди яньчелгән яки ярылган жүре юк* – 'концы без вмятин и зазубринок'. Значит, достоверность следствия не зависит от истинности причины. В этом случае говорящий сомневается в том, что именно эта причина привела к такому следствию. К такому же следствию могли привести и другие причины, а названные в этих предложениях – лишь домыслы говорящего.

Неоднозначны мнения языковедов относительно конструкций, построенных с помощью аффикса *-са/-сә*, совмещающих в себе условную и временную семантику. Большинство исследователей рассматривают подобные модели в рамках условных либо временных отношений, и лишь некоторые выделяют в системе сложноподчиненных предложений условно-временные конструкции. Например, в узбекском языке как отдельный вид придаточного выделяется условно-временное предложение: *У кейинги кунларда най чалса ҳам, ашула айтса ҳам, подани ўтлоққа олиб борса ҳам, ётса ҳам, турса ҳам, юрса ҳам, шундай хаёллар билан банд эди*. 'В последние дни даже когда он играл на нае, когда пел, когда гнал стадо на пастбище, когда лежал, когда стоял, когда шел, он был занят подобными мечтами'.

Часто в конструкциях, построенных с помощью аффикса *-ca/-cə*, наблюдаются случаи переплетения временных и условных значений. Явление, названное в главной части кондициональной конструкции, может следовать во времени за действием зависимой части. Например: тат. *Житмәсә, мин нәрсә эшләсәм, ул да шуны кыланган була. Мин койма башына менсәм, ул да шунда урмәли, текә ярдан инешкә сикерсәм, ул да минем арттан сикерә.* ‘Кроме всего прочего он делает то, что делаю я: если я взберусь на забор, и он карабкается за мной, если я прыгну с крутого берега в речку, и он прыгает за мной’; шор. (шорский) *Оолак көрзе, козан-да чогул.* ‘Когда мальчик посмотрел, (видит) зайца нет’.

Иногда эта семантика выражается формой будущего времени сказуемого главного компонента. Например: тат. *Сугыша башласак, Габделгазиз мине, албәттә, әҗиңчәк.* ‘Если мы начнем драться, то, конечно, Габделгазиз меня победит’. В этом случае еще не совершенное действие мыслится как возможное, четко прослеживается временная последовательность действий. При этом говорящему неизвестно, будет ли выполнено то, о чем говорится в придаточном предложении, или нет.

Когда условная форма выражает постоянную или периодически повторяющуюся связь двух явлений, наблюдается совмещение условной и временной семантики. При этом взаимоотношение явлений носит абстрактно временной характер. Например: тат. *Матур парлар күрсәм – куанам...* ‘Радуюсь, когда вижу красивые пары’; кум. (кумыкский) *Бир зат этмеге эсине туыше, оланы гьакъында йолну мастерине барып тилей.* ‘Если ему придет в голову что-нибудь сделать, он идет просить об этом дорожного мастера’.

Синкретичная по своей природе условно-временная семантика, выражаемая формой условного наклонения глагола, структурно закрепились в паремиологических конструкциях. Абстрактно временной характер взаимоотношений компонентов кондициональной конструкции наблюдается в паремиях и обобщенных высказываниях. Например: алт. (алтайский) *Ат киштезе, таныжар, кижэ эрмектеше, таныжар* (Пословица). ‘Лошади узнают друг друга, когда ржут (если ржут), люди знакомятся, когда разговаривают (если заговорят друг с другом)’; караим. (караимский) *Ыстырылса раст киси, ацымак бунда да биенц кеклэрдэ; капаралса раша, бунда биенц да анда ацымак* (Пословица). ‘Когда (если) умирает честный человек, горе здесь (т. е. на земле) и радость в небесах; когда (если) умирает грешник, здесь радость,

а там – горе’; карач. -балк. (карачаево-балкарский) *Агъач чирисе ёзегинден чирийди* (Пословица). ‘При гниении дерево гниет с сердцевины’; кирг. (киргизский) *Жылуу сөйлөсө, жылан ийинден чыгат* (Пословица). ‘Если ласково говорить, змея из норы вылезет’.

Как показал анализ собранных нами примеров, для паремий характерно построение фразы в форме настоящего либо будущего времени. При этом сама фраза имеет вневременной характер, носит вид общей закономерности и указывает на типичные явления. Темпоральное значение в подобных примерах связано с выражением семантики постоянства.

В условно-временных конструкциях, в отличие от условных, содержатся конкретные условия выполнения того или иного действия: тат. *Жэй булса – шунда төн чыга. Кыш көне булса – балэкэй чана алып чыгабыз.* ‘Летом остается на ночь там, зимой берем с собой маленькие санки’; шор. *Анань пилинзем, казынь төзунде төнөзельде чатчам.* ‘Когда потом очнулся, (вижу) лежу около пня у березы’.

Свойство условной формы глагола передавать условно-временную семантику является общетюркским, оно прослеживается еще в древнетюркских памятниках (*Сүңүс болсар, чериг итер ерті.* ‘Когда было сражение, он предводительствовал войском’ [1, с. 260]) и на материале многих современных тюркских языков. Например: ног. (ногайский) *Пише сувгъа къараса бир сытай сурьот бар сувдынъ ишинде.* ‘Когда женщина посмотрела в воду, в воде оказалось прекрасное изображение’; каракалп. (каракалпакский) *Ол дарыҳал уйренти услап алып қараса, онынг қанаты снық екен.* ‘Когда он поймал утку и осмотрел ее, у нее крыло оказалось сломанным’; туркм. (туркменский) *Гүн чыкса, хова майлаяр.* ‘Если (когда) взойдет солнце, то потеплеет’; узб. (узбекский) *Катта олим блан содда йигит ҳарқачон учрашсалар, бир-бирларига яқин тил топар, оддий мавзуларда мароқли суҳбатлашар эдилар.* ‘Когда встречались знаменитый ученый и простой парень, то они находили между собой общий язык, с интересом беседовали на простые темы’; хакас. (хакасский) *Ахча алзам, сельпогъа парат.* ‘Когда получу деньги, пойду в сельпо’.

В тюркских языках условное наклонение глагола *-ca/-cə*, употребляясь с вспомогательным глаголом *иде*, выражает желание. На способность подобной конструкции выражать желательную семантику указывается еще в татарских грамматиках XIX века. Например, это отмечено в грамматике

Каюма Насыри «Энмүзәж» и приведены следующие примеры: *Алсиде жани алсиде, агызмаган баллар булсиде. Гавадин фәрештә инсиде, инде қаушасыз дисиде*. 'Пусть взял бы, взял бы милый, пусть были бы сотовые меды. Пусть с неба снизошел бы ангел, и сообщил бы, что встретимся' [9, с. 76].

Приведем примеры из современных тюркских языков: азерб. (азербайджанский) *Имкан олса иди, Фиридун өзү ону охудар, Тәбризә көндәрәрди*. 'Если бы была возможность, Фиридун сам обучил бы ее, отправил бы в Тебриз'; тат. *Күңелдәге шикле бар ташларны / Алып китсәң иде жәмереп*. 'Если бы все сомнительные душевные камни можно было бы разрушить'; узб. *Онам бўлса эди, қишлоғимга кетардим*. 'Если бы у меня была мать, я поехал бы в свой кишлак'.

События, связанные между собой с помощью аффикса *-са/-сә*, могут противопоставляться. Например: кирг. (киргизский) *Бири кетип жатса, экинчиси келип жатты*. 'Одни уходят, другие приходят', тат. *Карчык кешеләрдән сорашса, Шурулла үз ишләреннән белешеп йөрде*. 'Если старуха расспрашивала у людей, то Шурулла разузнавал у своих ровесников'. Форму *-са/-сә* в таких предложениях можно легко заменить на специализированное средство выражения противительных отношений: *Карчык кешеләрдән сорашты, ә Шурулла үз ишләреннән белешеп йөрде*. 'Старуха расспрашивала у людей, а Шурулла разузнавал у своих ровесников'.

Как показал анализ собранных нами примеров, иногда форма *-са/-сә* служит для выражения условно-сопоставительных отношений. Например: тат. *Кайчагында нәни көймә булсак, / Кирәк чакта булдык кораб та*. 'Иногда мы были небольшой лодкой, когда нужно, были и кораблем'.

Форма *-са/-сә* может употребляться для репрезентации экспрессии. Например: тат. *Әй, аның кукраеп, үзен аллә кемгә куеп сөйләнүен күрсәң*. 'Видел бы ты, как он разговаривает, строит из себя неизвестно кого'.

Условная форма может выражать пренебрежение. Например: тат. *Без киттек, калсаң кал...* 'Мы пошли, ты (если хочешь) оставайся'.

В некоторых случаях условное наклонение глагола используется для выражения быстроты действия: тат. *Кузен ачса, бусага янында дүртбиш кеше басып тора*. 'Открыв глаза, увидел, что у порога стоит четыре-пять человек'.

Иногда в конструкциях с аффиксом *-са/-сә* синкретично выражаются значения условия и вводности. При этом придаточное предложение, вводи-

мое формой *-са/-сә*, обозначает условие лишь как попутное замечание, репрезентирующее модальную характеристику явления, описанного в главном предложении. Например: тат. *Миңа калса, "үлем" сүзе ничектер йомшак әйтелешиле*. 'По мне, слово "смерть" произносится как-то мягко'; *Беләсең килсә, кыска жәңгле күлмәк сиңа килешә дә төшиә*. 'Если хочешь знать, платье с коротким рукавом тебе идет больше'.

Отмечается способность условной формы иметь оттенок приказания в шорском языке: *Тегри төзин көрзаар (көрзар), кайдиг кара пулаттар*. 'Посмотрите на горизонт, какие черные тучи! (если бы вы посмотрели, если бы вам посмотреть...)' [5, с. 178].

Сочетание формы условного наклонения глагола со словом *герек* 'надо', 'нужно' передает семантику вероятности в туркменском языке. Например: *Гүллер ачылса герек*. 'Цветы, должно быть, распустились'.

При употреблении положительной и отрицательной формы условного наклонения от одной и той же основы с частицей *да/дә, та/тә* 'и' выражается неизменность результата. Например: тур. *Gelseniz de böyle olacak gelmeseniz de... (geliniz gelmiyiniz böyle olacak)*. 'Придете вы или не придете – все равно так будет'.

В примере башк. (башкирский) *Уқыуы қыйын булһа, йәшәүе рәхәт булыр* (Пословица). 'Учиться трудно, зато жить будет хорошо' есть форма кондиционалиса, но в том смысле, как это обычно понимается в типологии, нет семантики условия. Действительно, в данном случае говорящий утверждает, что учиться трудно (в собственно условных конструкциях информация, содержащаяся в протазисе, не подается ни как истинная, ни как ложная).

Было установлено, что ранняя форма условного наклонения глагола употреблялась еще в древнетюркских памятниках, причем, помимо условных, выражала уступительные, временные и причинно-следственные отношения. Условные отношения, смыкаясь с каузальными и временными, образуют своеобразные конструкции, которые стоят между кондициональной и каузальной, кондициональной и временной семантикой. Конструкциям, выражающим условно-временную семантику, присуща нечеткость отношения одновременности/последовательности, так как основная смысловая нагрузка в этом случае падает не на соотносительность действий во времени, а на их взаимообусловленность.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в тюркских языках конструкция с аффиксом *-са* по семантике очень многогранна,

в зависимости от общего содержания контекста может передавать разнообразные значения. Таким образом, между обуславливающей и обуславливаемой частями могут устанавливаться разные оттенки семантических отношений. Многие смысловые отношения в тюркских языках различаются не по грамматическому оформлению, а по семантическому содержанию. Перспективы дальнейшего исследования проблемы усматривается в создании современной семантической теории синтаксиса тюркских языков.

Литература

1. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1971. 380 с.
2. Бурдаева Т. В. Синтаксический концепт «кондициональность» в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с условными придаточными) // Самарский научный вестник. 2014. № 1 (6). С. 33–36. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21708994_58542764.pdf (дата обращения: 28.05.2017).
3. Гаджиева Н. З. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 220 с.
4. Додуева А. Т. Репрезентация временных отношений в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик, 2015. С. 85–89. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24936568_89602486.pdf (дата обращения: 28.05.2017).
5. Дырenkova Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
6. Ефремов Н. Н. Причинно-следственные конструкции в якутском и казахском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-3 (34). С. 67–70. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21309142_71936471.pdf (дата обращения: 28.05.2017).
7. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис / под общ. ред.: Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, Е. И. Убрятовой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 232 с.
8. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
9. Насыри К. Эмүзәж. Казан, 1975. 214 б.
10. Свеклова О. В. Синонимия в условных смысловых отношениях (на материале русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 220–223.
11. Селезнева Е. В. Сложноподчиненные предложения, выражающие условные отношения: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
12. Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. 583 с.
13. Трофимова И. Г. Сравнительно-сопоставительное исследование сложноподчиненных предложений с придаточными времени в английском и чувашском языках // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 281–289. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25416417_29236733.pdf (дата обращения: 28.06.2017).
14. Шаммасова У. С. Таксис предшествования в разноструктурных языках в контрастивном аспекте // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 4. С. 996–1002. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28152035_52494790.pdf (дата обращения: 28.06.2017).

References

1. Ajdarov G. Jazyk orhonskih pamjatnikov drevnetjurkskoj pis'mennosti VIII veka [The language of the Orkhon monuments of the ancient Turkic writing of the VIII century]. Alma-Ata: Izd-vo «Наука» Kazahskoj SSR, 1971, 380 p. (In Russ).
2. Burdaeva T. V. Sintaksicheskiy koncept «kondicionalnost'» v nemeckom jazyke (na materiale slozhnopodchinennykh predlozhenij s uslovnymi pridatochnymi) [Syntactic concept “conditional” in German (on the basis of complex sentences with conditional subordinate clauses)]. *Samarskiy nauchnyj vestnik* = Samara Scientific Bulletin, 2014, no. 1 (6), pp. 33–36. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_21708994_58542764.pdf (accessed 28.05.2017). (In Russ).
3. Gadzhieva N. Z. Sintaksis slozhnopodchinennogo predlozhenija v azerbajdzhanskom jazyke (v istoricheskom osveshhenii) [Syntax of the compound sentence in the Azerbaijani language (in historical coverage)]. Moskow: Izd-vo AN SSSR, 1963, 220 p. (In Russ).
4. Dodueva A. T. Rerezentacija vremennykh otnoshenij v karachaevobalkarskom jazyke [Representation of Temporal Relations in Karachay-Balkar Language], *Aktual'nye voprosy karachaevobalkarskoj filologii* Actual Issues of Karachay-Balkar philology, Nal'chik, 2015, pp. 85–89. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_24936568_89602486.pdf (accessed 28.05.2017). (In Russ).
5. Dyrenkova N. P. Grammatika shorskogo jazyka [Grammar of the Shor language]. Moskow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941, 307 p. (In Russ).
6. Efremov N. N. Prichinno-sledstvennyye konstrukcii v jakutskom i kazahskom jazykah [Causal and investigative constructions in the Yakut and Kazakh languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice, 2014, no. 4-3 (34), pp. 67–70. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_21309142_71936471.pdf (accessed 28.05.2017). (In Russ).
7. Issledovaniya po sravnitel'noj grammatike tjurkskih jazykov. Ch. III. Sintaksis [Studies on the comparative grammar of the Turkic languages. Part III. Syntax]. Ed. by N. K. Dmitrieva, N. A. Baskakova, E. I. Ubrjatovoj, M.: Izd-vo AN SSSR, 1961, 232 p. (In Russ).
8. Malov S. E. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing]. Moskow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1951, 451 p. (In Russ).
9. Nasyjri K. Nemz. Kazan, 1975, 214 b. (In Russ).
10. Sveklova O. V. Sinonimija v uslovnnykh smyslovnykh otnoshenijah (na materiale russkogo i chuvashskogo jazykov) [Synonymy in conditional semantic relations (on the material of Russian and Chuvash languages)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University, 2010, no. 4, pp. 220–223. (In Russ).
11. Selezneva E. V. Slozhnopodchinennye predlozhenija, vyrazhajushhie uslovnye otnoshenija: na materiale russkogo i anglijskogo jazykov [Complicated sentences expressing conditional relations: on the material of Russian and English languages]. Voronezh, 2011, 24 p. (In Russ).

12. Tipologija uslovnih konstrukcij [Typology of conditional constructions]. Ed. by. V. S. Hrakovskij, Sankt-Peterburg: Nauka, 1998, 583 p. (In Russ).

13. Trofimova I. G. Sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie slozhnopodchinennyh predlozhenij s pridatochnymi vremeni v anglijskom i chuvashskom jazykah [Comparative study of complex sentences with subordinate clauses in English and Chuvash languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University, 2015, no. 4, pp. 281–289. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_25416417_29236733.pdf (accessed 28.06.2017). (In Russ).

14. Shammassova U. S. Taksis predshestvovanija v raznostrukturnyh jazykah v kontrastivnom aspekte [The precursor tense in the difference-structured languages in a contrasting aspect]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* = Bulletin of Bashkir University, 2016, vol. 21, no. 4, pp. 996–1002. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_28152035_52494790.pdf (accessed 28.06.2017). (In Russ).

Статья поступила в редакцию 8.06.2017 г.

Submitted 8.06.2017

Для цитирования: Хабибуллина Л. Г. Смысловые отношения, выражаемые формой условного наклонения глагола, в тюркских языках // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 3 (27). С. 136–142.

Citation for an article: Habibullina L. G. The semantic relations expressed by the conditional form of the verb in the turkic languages. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 3 (27), pp. 136–142.

Хабибуллина Лениза Газинуровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, valievalg@mail.ru

Habibullina Leniza G., Ph. D (Philology), Institute of language, research scientist, Institute of language, literature and art by G. Ibragimov of the Academy of Sciences of RT, Kazan, valievalg@mail.ru